

ВСТРЕЧИ С ЮРИЕМ НИКОЛАЕВИЧЕМ РЕРИХОМ

Внезапно, неожиданно ушел от нас Юрий Николаевич. Казалось, эти встречи только начались и еще так долго будут продолжаться...

Не осталось записей; в суете тогдашней жизни, после тяжкого опыта заключения, к каждой записи относился с глубоким сомнением. Остались в памяти яркие эпизоды общения, отдельные высказывания и некоторые этапы совместной работы.

Светлый, незабываемый образ Ю.Н. так тесно связан с Николаем Константиновичем, так близок отцу, что невольно в сознании эти два образа сближаются, взаимопроникают. Но Николай Константинович был для меня подлинным Учителем и остался им на всю жизнь. Ю.Н., при его великой скромности, не претендовал на эту роль и поэтому встречи с ним я не могу назвать встречами с Учителем.

Но встречи эти как бы продолжили общение с отцом, они вносили новые и новые черты в образ того, кто был для меня подлинным Отцом.

Основная забота Ю.Н. была именно в том, чтобы вернуть творчество Н.К.Рериха Родине, приобщить его духовный образ России, сохранить и по возможности опубликовать его наследие. В этой работе я по мере сил принимал участие, о ней сохранил в памяти некоторые подробности.

Многие вопросы, по существу очень важные, которые я непременно задал бы Николаю Константиновичу, я стеснялся, считал себя не вправе задавать Ю.Н. (он не был моим Учителем). Сколько раз потом я упрекал себя, что утратил возможность узнать многое необходимое!

Поэтому воспоминания мои охватывают сравнительно ограниченный круг и не претендуют на то, чтобы запечатлеть образ Ю.Н. во всей его духовной высоте и многообразии.

I. Встреча в "Эрмитаже"

Первая встреча произошла в 1926 году, в гостинице Б.Московская, где я познакомился с Николаем Константиновичем Ю.Н. первый открыл мне дверь. Его юный облик, с большими темными глазами и темно-русой бородкой (уже тогда похожий на отца), четко запомнился. Но встреча была кратковременной, он обменялся со мной двумя-тремя фразами и исчез. Потом еще два-три раза мы встречались, но это были случайные молчаливые встречи. На беседах с Николаем Константиновичем и Еленой Ивановной он не присутствовал.

х х х

Прошло тридцать лет. Мы ничего не знали о семье Николая Константиновича, кроме того, что он ушел в 1947 году. Никаких связей с Индией не было, и приезд Ю.Н. в СССР в августе 1957 года был полнейшей неожиданностью. И все же наша встреча состоялась, и произошла она через десять дней после его приезда. Конечно, он также ничего не знал ни о моей судьбе, ни о судьбе друзей, не имел никаких адресов, и все, что произошло, было, как говорят, "случайностью".

Лето 1957 года мы проводили в Москве, так как я начал работать в Институте металлургии с марта месяца и еще не имел возможности получить отпуск. Лидия Васильевна (моя жена) захотела побывать в "Эрмитаже" (Летний сад) на вечере цейлонского танца.

Летний театр был полупустой. Мы сидели в боковой ложе и с большим интересом наблюдали за ходом действия. Танцоры (мужчина и женщина) перед началом вынесли статую Будды и обратились к нему с молитвой. Под звуки маленького оркестра (барабан и еще один инструмент) начались причудливые типично восточные телодвижения, полные сложного, тонкого ритма. Особенно прекрасен был танец огня.

После окончания представления нам захотелось поближе взглянуть на танцоров, и мы прошли вдоль ряда лож до самой сцены.

Я невольно взглянул на сидящих в первом ряду и осталенел: между двух женщин сидел пожилой мужчина с седеющей бородой, необычайно похожий на Николая Константиновича. Одна из женщин (это была Людмила Михайловна) почувствовала мой напряженный взгляд и подтолкнула Ю.Н. Он обернулся и внимательно посмотрел на меня. И я почувствовал, что он меня узнал.

Как быть? Могу ли я встретиться с ним? Ведь он наверное иностранный турист? Все эти вопросы и сомнения промелькнули в сознании. (Не следует забывать, что после многих лет заключения любое общение с иностранцем представлялось чрезвычайно опасным).

И все же я решился. Чтобы не привлекать внимание, вышел в сад и на одной из дорожек, в полутемноте, встретил Ю.Н. Он действительно точас узнал меня, познакомил с сестрами Богдановыми и рассказал, что он работает в Академии наук СССР. Итак, он вернулся на Родину! Тяжесть спала с плеч, мы будем общаться!

"Мы остановились в гостинице "Ленинградская", - сказал Ю.Н., - и через месяц получим квартиру на Ленинском проспекте". Он дал мне адрес гостиницы и квартиры. И тут же вспомнил о друзьях и спросил, что поделяет Александр Павлович (Сардан) (видимо, он запомнился ему лучше других друзей). Я рассказал, что он уже много лет работает в области кино. Наша беседа была краткой, но бесконечно волновала меня. Как он похож на отца! И почти тот же возраст, что у Николая Константиновича в 1926 году.

Так нетерпелось увидеться с ним! Но посоветовавшись с женой, мы решили, что благоразумнее будет пойти на квартиру, а не в гостиницу.

И вот, через месяц, я на Ленинском, 62. В то время я работал

в Институте металлургии на Ленинском, 49, до квартиры Ю.Н. было совсем близко.

Первая встреча

Новый, только что построенный большой дом на углу Ленинского и Университетского проспектов; внутренний сад, через который проходишь, чтобы дойти до подъезда Ю.Н., все это впервые было увидено тогда, в день первой встречи, и запомнилось на всю жизнь...

На мой звонок открыла Людмила Михайловна; Ю.Н. сразу же вышел из своего кабинета и пошел мне навстречу. В этой первой встрече, в дружеском объятии уже сразу изгладилось то огромное расстояние в пространстве и во времени, которое разделяло нас... Необычайно дорог был мне его облик, так напоминающий Николая Константиновича: тот же овал лица, те же твердые, довольно широкие скулы, и очертания головы, и форма бороды; но глаза, карие с чуть зеленоватым отливом, больше напоминали мать. Во всем облике Ю.Н. светилась доброта, ясность, великкая простота общения и заатаившаяся в глубине глаз мудрость.

Но вся значительность его духовных знаний (и энциклопедичность знаний вообще) проявлялись только тогда, когда собеседник начинал задавать вопросы. Проповедовать, раскрывать себя и обращаться к случайному собеседнику со словами мудрости и красоты ему не было свойственно. Он никогда не навязывал другим своих концепций; наоборот, внимательно наблюдая, всегда искал дать собеседнику то, что ему было необходимо, что соответствовало уровню его сознания.

И еще запомнилось сразу это удивительное чувство русской сердечности и гостеприимства. Русские люди, долгие годы жившие за границей, гораздо лучше сохранили ту "русскость", те черты доро-

волюционной русской интеллигенции, которые у нас, советских людей, постепенно подавлялись и гонениями, и бедностью, и влиянием того глубоко мещанского, малокультурного окружения, с которым постоянно приходилось сталкиваться. Малая степень культурности проявлялась и проявляется, к сожалению, и в среде интеллигенции.

Захотелось сразу так многое узнать из того, что произошло за минувшие тридцать с лишним лет, о жизни в Кулу, о путешествиях, обо всем дорогом сердцу...

В лице Ю.Н. светилась глубокая радость, связанная с возвращением на Родину. Они успели побывать в Загорске, посетили святыни Кремля, жадно приобщались ко всему русскому. Ю.Н. со свойственной ему остротой наблюдения и умением выловить какие-то смешные черты современной жизни, рассказал, как на их вопрос, где можно купить сувениры о Троице-Сергиевской Лавре, им ответили: у отца-киоскера. Вот это сочетание исконно-монашеского и современного насмешило его.

И радовало сознание, что он снова на Родине, что древние, дорогие сердцу памятники истории живы, сохранены, доступны...

Ю.Н. не любил рассказывать о себе. Но о жизни в Кулу я постепенно узнавал из его рассказов, отчасти из беглых упоминаний Людмилы и Раи, а главное – из жизни самого Ю.Н.

Традиции семейной жизни строго сохранились в распорядке дня и в стиле жизни семьи – как в Кулу, так и в Москве.

Они вставали ^и очень рано – в шесть часов; принимали ванну, готовились к завтраку, и в 8 часов сходились к обеденному столу. Занимался ли Николай Константинович йогой? Из рассказов Ю.Н. я понял, что кроме краткой пранаямы, они не признавали никаких упражнений йоги.

После завтрака все члены семьи расходились по своим комнатам. Николай Константинович шел в мастерскую, где он работал до обеда,

Ю.Н. - к себе в кабинет (или в Институт Урусвати - в довоенное время). Елена Ивановна - к себе. Так начинался трудовой день и длился до обеда; после обеда и короткого отдыха, работа возобновлялась и продолжалась до ужина. И только после ужина семья собиралась в гостиной и слушала музыку.

Вся жизнь семьи была строго подчинена дисциплине. Но эта дисциплина не была навязана извне, она проистекала из любви к труду, из сознания благодетельного значения ритма в жизни. Этот внешний и духовный ритм творческого труда творил чудеса: количество картин Николая Константиновича неизмеримо велико; просто не верится, чтобы один человек мог создать столько произведений, написать столько книг, вести такую обширную переписку. Ю.Н. замечал: "Николай Константинович работал как будто не спеша, даже медлительно; а успевал сделать необычайно много благодаря строгому ритму работы. Он способен был соединять одновременно несколько работ и выполнял их так безошибочно, что обычно почти ничего не исправлял". И действительно - его картины, написанные темперой, сделаны так, что все заранее продумано и исправления почти невозможны - это коренится в самой технике. Безукоризненное чувство композиции, блестящее владение техникой темперы позволяли ему работать одновременно и спокойно, и быстро. Но даже если около него и были бы ученики, вряд ли они могли бы заменить мастера: неповторимость его тончайших движений кисти, легкость, с которой он наносил сверкающие мазки, изысканность колорита, благородство и выразительность линии и силуэта - все это не сумел бы воспроизвести ни один художник.

Так же, когда Николай Константинович писал свои "листы дневника", он строго укладывал текст каждой темы именно в страницу, и в этом проявлялось его литературное мастерство.

И Рая, и Людмила отмечали, что Николай Константинович отличался необыкновенным спокойствием и всегда очень ласково с ними обращался. Спокойствие, тишина и углубленность жизни в Гималаях, аромат курений, непередаваемое чувство общения с Высшим – все это звучало в рассказе Ю.Н.; аромат Востока, тишина и углубленность созерцания наполняли кабинет Ю.Н.

И позже, когда комната с трех сторон была окружена полками с книгами, когда были повешены картины Николая Константиновича и тибетские танки, атмосфера востока еще полнее чувствовалась каждым приходящим.

Ю.Н. рассказал об их путешествии в Россию. Еще при жизни Николая Константиновича в 1947 году они готовились к отъезду на Родину; были упакованы вещи и сданы для хранения на склад в Бомбее, где они пролежали десять лет. Поэтому в этих контейнерах содержалась зимняя одежда Елены Ивановны, позже подаренная Ю.Н. Митусовым, и частично – одежда Николая Константиновича. Однажды, уже спустя более года, Ю.Н. подарили мне ботинки Николая Константиновича из желтой кожи, которые я храню как дорогую память...

В пути, у входа в Красное море, был сильный штурм, и их пароход задержался, чтобы оказать помощь бедствующему советскому судну, которое они взяли на буксир. Поэтому пароход пришел в Одессу со значительным опозданием. Во время пути стояла сильная жара, тягостная для путешественников. Общение с советскими людьми на пароходе было для Ю.Н. первым шагом знакомства с Родиной. И с первой же встречи я почувствовал, как дорога для Ю.Н. Россия, какая для него радость быть снова на Родине.

Он был зачислен в Институт Востоковедения (а позже и в Институт Китаеведения), но в институте, видимо, еще не знали, чем занять

Ю.Н., каков должен быть круг его работ; ведь впервые в институте должен был работать ученый, приехавший из-за границы, ученый с мировым именем, с очень широким кругом интересов.

Проходил месяц, другой, и Ю.Н. жаловался мне: "Я получаю деньги, а работы мне все еще не дают". Так продолжалось около 4-5 месяцев.

Меня, естественно, интересовала судьба наших картин, посланных в Америку, о которых мы ничего не знали.^x И Ю.Н. рассказал о том предательстве, которое произошло в Нью-Йорке в 1936 году, когда Хорш овладел всем имуществом Музея Н.К.Рериха: "В одну ночь, еще до решения суда, были вывезены все картины, скульптура, все разнообразные вещи, наполнявшие этот 29-тиэтажный дом. У меня была личная комната, где было несколько буддийских скульптур и других предметов восточного искусства, а также мои личные вещи и одежда. Все это было захвачено и пропало безвозвратно". Очевидно то же произошло и с нашими картинами, которые потом были проданы с аукциона, также, как картины Николая Константиновича.

О том, как происходила процедура суда, каким образом Хоршу удалось добиться решения в свою пользу, насколько я помню, Ю.Н. подробно не рассказывал.

Естественно, его очень интересовала окружающая жизнь, и постепенно он собирал о ней сведения; для него открывался новый неизвестный мир. Некоторые его вопросы были подчас смешны и наивны. "Я никак не могу понять, что такое "блат", - спрашивал он, и мне стоило большого труда объяснить это широко употребляемое слово.

В первой же встрече он заговорил со мной о главной задаче, которая перед ним стояла, - вернуть Николая Константиновича Родине.

^x В 1927 году группа художников "Амаравелла", в которую я входил, отправила в Нью-Йорк на международную выставку, организованную Художественным центром "Корона Мунди", 12 картин.

И все его усилия в дальнейшем планомерно и неуклонно были направлены к этой цели. В то время министром культуры был Михайлов (когда-то секретарь ЦК комсомола). К нему Ю.Н. обращался неоднократно. Эпопея с организацией выставки Николая Константиновича проходила на моих глазах и с моим непосредственным участием. В этом действии особенно ясно проявились все ценные качества Ю.Н.: терпение и настойчивость, мягкость в общении с людьми и непреклонность в достижении поставленной цели, умение заинтересовать и увлечь людей, и необычайная широта в оценке перспектив будущего...

П. Организация первой выставки Н.К.Рериха в Москве

Картины Николая Константиновича перед его уходом были поделены между сыновьями примерно поровну. Ю.Н. взял с собой на Родину все картины, принадлежавшие ему. Общее их число вместе с этюдами (последних было около пятисот) составляло около шестисот. Картины шли из Индии на том же пароходе вместе с ними, но по прибытии задержались несколько в Одессе и лишь в октябре были доставлены в Москву и переданы на хранение в Третьяковскую галерею.

Ю.Н. обратился к министру культуры Михайлову с просьбой об организации выставки. Михайлов предложил устроить выставку в залах Академии художеств на Кропоткинской, 21. Однако академики саботировали предложение министра, и вокруг этого вопроса был заговор молчания.

Вновь обратился Ю.Н. к Михайлову. На этот раз предложили устроить выставку в маленьком, плохо освещенном выставочном зале на ул. Горького, 25. Ю.Н. отказался, так как зал явно не соответствовал.

После третьего раза был предложен зал на Кузнецком, 20, тоже

небольшой по размеру, но более подходящий по своему характеру. Вместе с Ю.Н. мы отправились в Третьяковскую галерею, чтобы отобрать картины на эту первую выставку. Консультантом был приглашен художник П.Н. Крылов. (из "Кукрыниксов"). В запасник нас сопровождала сотрудница Третьяковской галлереи Плетнева. Так как выставочный зал был сравнительно невелик, то пришлось ограничивать количество картин. Было отобрано 33 крупных картины, в том числе: "Ходящая", "Гималаи", "Ладак", "Лхасса", "Нанда-Дэви", "Сантана", "Помни", "Огни на Ганге", "Гесэр-хан", "Горное озеро", "Беда-проповедник", а из русских тем - "Борис и Глеб", "Поход Игоря", "Настасья Микулична". Всего было представлено на выставке 36 картин и 95 этюдов Николая Константиновича, принадлежавших Ю.Н.

Помню, как Плетнева буквально ужасалась, глядя на такие картины, как "Борис и Глеб", с их изумительно написанной аурой, или "Тень Учителя" (этую картину, которая была в двух вариантах, отклонили по ее настоянию). П.Н. Крылов был более терпим в своих суждениях и благодаря ему на выставку попали многие картины, тематика которых казалась не отвечающей требованиям того времени. Позже все эти картины были включены в экспозицию следующей выставки Н.К. Рериха, состоявшейся в 1959 году в Третьяковской галлереи.

Большую трудность представило составление каталога. Многие картины не имели названия (позже была найдена система обозначений годов написания и названия картин, составленная Николаем Константиновичем) и были условно названы "Гималаи". Лишь спустя много лет В.В. Соколовскому, благодаря длительной упорной работе удалось составить возможно полный каталог картин, этюдов, эскизов и рисунков Николая Константиновича, изданный в 1979 году в Новосибирске,

но труднее всего обстояло дело со вступительной статьей. Пред-

ложили написать ее Алпатову, но он отказался. По просьбе Ю.Н. я подготовил черновой текст этой статьи на 5 страницах. С этим текстом Ю.Н. поехал к К.Ф.Юну, давнему другу Николая Константиновича еще по дореволюционным выставкам. Юн тяжело болел воспалением легких (он вскоре после этого скончался), но все-таки охотно выполнил просьбу Ю.Н. и быстро написал вступительную статью для каталога. Статья красиво заканчивается следующим образом: "Архаика, наука и искусство были составными элементами его произведений. Народные легенды и предания, связь мифологии с геологией, с сейсмическими и космическими силами природы глубоко волновали его художественное воображение... Эмоциональное искусство Рериха почти не передаваемо словами - оно для глаз и для души".

Три дня под руководством Ю..., заведующей выставочным залом, совместно с искусствоведом Качаловой (из Риги) трудились мы над развеской. Обилие картин и теснота помещения делали эту работу трудно выполнимой. И все же выставка удалась. При ее в общем скромных размерах она смотрелась очень хорошо и производила просто ошеломляющее впечатление: после знакомых картин русского периода, таких как "Поморяне. Утро", "Псковско-печерский монастырь", "Небесный бой", "Пантелеев-целитель", "Лесовики", "Святой остров", из дверей, которые вели в большой зал, открывалась величественная панорама Гималаев в картине "Помни". Как неожидан был этот переход! Открывался новый, неведомый мир величайшей горной страны, написанный смело, сильно и убедительно, мир легенд и чаяний Востока, мир, овеянный глубокой мудростью и красотой... Вспоминались страницы из "Путей благословения", посвященные Гималаям: "Два мира выражено в Гималаях. Один мир земли, полный здешних очарований. Глубокие овраги, затейливые холмы стояли до черты облаков. Куриются дымы селений и монастырей. По возвышениям пестрят знамена,

субурганы или ступы. Входы тропинок переплели крутые подъемы... Разнообразный земной мир. Суровая лиственица стоит рядом с цветущим рододендроном. Все столпилось. И все это земное богатство уходит в синюю мглу гористой дали. Гряды облаков покрывает нахмуренную мглу, Странно, поражающе неожиданно после этой законченной картины увидеть новое, надоблачное строение. Поверх сумрака, поверх волн облачных сияют яркие снега. Бесконечно богато возносятся вершины ослепляющие, труднодоступные. Два отдельных мира, разделенных мглою."

"Помимо Эвереста пятнадцать вершин гималайской цепи превосходят Монблан. Если от Великой Рангит (река) осмотреть все подступы до снежной черты и все белые купола вершин, то нигде не запоминается такая открытая стена высот. В этом грандиозном размахе - особое зовущее впечатление и величие Гималаев. "Обитель снегов"!"

Вот это зовущее, потрясающее величие Гималаев открывалось для входивших в большой зал. Излюбленная Перихом Канченджунга, Эверест, Нанда-Дэви - эти величайшие и красивейшие вершины Гималаев были запечатлены мощной кистью "мастера гор".

Этюды дополняли картину горной страны многообразием и богатством красок, неожиданными и всегда гармоничными сочетаниями формы и цвета.

Выставка сразу же привлекла внимание зрителей, длинная очередь стояла на улице. И так было на каждой выставке произведений Периха в Москве!

Ю.Н. очень часто бывал на выставке. Это была первая радость, первое торжество приобщения Николая Константиновича к Родине. Поистине, это было возвращение на Родину.

Постоянно, плотной толпой его окружали зрители, задавая бесконечные вопросы. Помню, как бурно обнимал Ю.Н. художник Нисский.

Сколько радости и восторга несли картины Николая Константиновича! Тогда же с ними познакомился В.В.Соколовский, в прошлом - страстный альпинист, и вся его дальнейшая жизнь была посвящена изучению творчества Николая Константиновича. Он стал не только поклонником, но и исследователем его творчества, знатоком, с которым консультировались искусствоведы, собравшим тысячи снимков с работ Николая Константиновича и составившим первый каталог его произведений.

Однако газеты того времени довольно скромно и опасливо отзывались на эту первую выставку. "Вечерняя Москва", например, просто перепечатала вступительную статью каталога. Еще долгое время в среде работников культуры, художников и искусствоведов бытовало недружелюбное отношение к личности и творчеству Н.К.Рериха.

III. Домашняя жизнь

Каждую среду, после работы, я направлялся в гости к Ю.Н. Сколько незабываемой радости несли эти встречи! Гостеприимный хозяин радушно встречал в передней, он всегда считал своим долгом раздевать и одевать гостей, и, несмотря на наши протесты, неизменно сам подавал пальто.

Он садился за большой стол, обычно заваленный книгами, и начиналась неторопливая, беседа. Как досадно, что ни одна из этих бесед не была записана! Они затрагивали очень широкий круг тем. Ю.Н. понемногу, на мои настоятельные вопросы, рассказывал о Николае Константиновиче и семье в Кулу. Иногда были и другие воспоминания. Но его тогда больше всего интересовали вопросы, связанные с его основной миссией – продвижением искусства отца.

В первый год его пребывания в Москве я был одним из немногих его посетителей. Довольно часто навещал его врач-гомеопат Мухин;

последний переписывался с Ю.Н. еще в период его пребывания в Индии, и первый встретил его при приезде. Несколько позже к Ю.Н. приезжали друзья из Риги: Р.Я. Рудзитис, А.Ю.Калнс с женой, Г.Ф.Лукин, а из Таллина – П.Ф.Беликов, который поддерживал длительную переписку с семьей Николая Константиновича (он так же, как и я, написал воспоминания о встречах с Ю.Н.). Именно у Ю.Н. я познакомился с рижанами и узнал подробно о деятельности рижского общества друзей Рериховского музея. Но эти встречи были редки; обычно я сидел один в кабинете Ю.Н.

Вспоминая разные эпизоды жизни, он любил отметить какие-нибудь юмористические черты. Например, когда они получили приглашение в Англию, (Николай Константинович был приглашен в Лондон Королевской оперой для оформления постановки "Князя Игоря"), то Святослав был зачислен как помощник-декоратор Николая Константиновича (он помогал отцу в этой работе), а Ю.Н.-... как акробат-наездник. Ему действительно пришлось выполнить роль наездника во время действия оперы. Но норовистая лошадь неожиданно понесла и он проскакал через сцену в своем обычном (а не оперном) костюме и несколько раньше времени. Но публика приняла все это как должное.

Квартира Ю.Н. постепенно меняла свой облик. В первые посещения она была совершенно пустой, ничего кроме стола и стульев. Потом появились полки (которые с трудом удалось изготовить), расположенные вдоль трех стен. Они вскоре заполнились книгами, манускриптами, а на одной из стен и в передней висели танки, придавая квартире атмосферу востока. Еще позже были развешены картины : "Гесэр-хан", "Бум-Эрдени", "Будда в подводном царстве", "Тень Учителя" и "Труды Сергия". Последняя картина висела над входом в спальню Ю.Н., против его рабочего стола, и он ее очень любил. Несмотря на то,

что духовная жизнь и научная деятельность Ю.Н. развивались в атмосфере буддизма и Учителем его был буддийский Лама, православие оставалось ему близким. Как-то, рассказывая про один сон, Ю.Н. сказал: "Несмотря на то, что живу в мире буддизма, во сне ко мне приходят православные священники и дают какие-то указания".

Так подспудно мир православия присутствовал в квартире и в его духовной жизни. Так же, как и Николай Константинович, Ю.Н. особенно почитал преподобного Сергия, как одного из величайших духовных деятелей древней Руси. Позже неоднократно приходилось беседовать на эту тему, и Ю.Н. всегда подчеркивал разнообразные черты из жизни преподобного, и особенно, его неустанный труд на благо общины.

Как рассказывала Людмила, православные праздники – Рождество и Пасха – свято чтились в семье. Всегда была елка, и в этот день являлись многочисленные слуги с семьями и всем им раздавались подарки.

В Кулу не было электричества и водопровода (позже электричество провел Святослав Николаевич), и для нужд семьи необходимо было иметь много слуг: одни снабжали водой и дровами, другие убирали комнаты, подметали двор, работали на кухне, третья работали в саду и возделывали огород. (Всего было более 60 слуг). Это количество слуг нам кажется огромным, но оказывается, что даже простой школьный учитель имеет обычно 4-6 слуг, каждый из них выполняет только одну ограниченную функцию и не хочет делать что-либо иное.

Ю.Н. очень хотелось иметь в своей квартире мебель, принадлежавшую ранее Николаю Константиновичу. Эта мебель после отъезда Рерихов в 1916 году сохранялась в квартире на Мойке, где жил Борис Константинович Рерих. Мне довелось посетить Бориса Константиновича в 1928 году, и я видел эту обширную великолепную квартиру с

мебелью красного дерева стиля ампир (частично), с большим количеством картин Николая Константиновича. Позже, когда он оставил квартиру на Мойке, по просьбе Елены Ивановны часть мебели была передана двоюродному брату Елены Ивановны Степану Степановичу Митусову. Давняя дружба объединяла меня с семьей Митусовых (она началась в 1928 году). Воспоминания об этой семье могли бы быть темой отдельного повествования. В тяжкие дни блокады Ленинграда умерли Степан Степанович и его жена Екатерина Филипповна, а также старшая дочь Злата. Погибли на фронте мужья двух сестер. Остались в живых две сестры - Людмила (Зюма) и Татьяна.

В квартире уцелели немногие картины и этюды Николая Константиновича, а также мебель. Я рассказывал об этом Ю.Н., и ему очень захотелось познакомиться с троюродными сестрами, которых он знал в детские годы. Однако это знакомство состоялось не сразу.

В первый год пребывания Ю.Н. в Москве многие избегали знакомиться с ним. Мои друзья - Петр Петрович, Виктор Тихонович и Александр Павлович - тоже длительное время воздерживались от знакомства. Примерно через год после приезда Ю.Н. побывал у Петра Петровича, который хотел, чтобы именно Ю.Н. первым сделал этот визит. Однако между ними как-то не возникло настоящей внутренней близости; Александр Павлович, видимо, весьма опасался этой встречи и на мои приглашения обычно отвечал: "Вот пусть он немножко обживется у нас, познакомится с людьми, узнает нашу жизнь, тогда мы увидимся". Но прошло более двух лет, и до конца жизни Ю.Н. он так и не посетил его.

После моих настоятельных советов Митусовы приехали в Москву и познакомились с Ю.Н. Они были приняты так сердечно и ласково, что после этого посещения между ними сразу установились простые и теплые родственные отношения.

Ю.Н. побывал в Ленинграде у Митусовых, познакомился с их очень скромной (в материальном отношении) жизнью и приобрел у них

старое кресло Николая Константиновича и еще несколько стульев. С тех пор он неоднократно дарил им некоторые вещи Елены Ивановны, привезенные из Индии.

Как правило, Ю.Н. делал подарки не очень часто и как бы не очень щедро. Но они всегда имели большой внутренний смысл и особенно ценились теми, кто их получал. Узнав, что у меня нет книг Учения и книг Н.К.Рериха, Ю.Н. подарил мне "Пути благословения" и книги "Зов" и "Озарение." А после того, как была организована первая выставка Н.К.Рериха, за помощь, оказанную при этом, мне была подана рижская монография о Рерихе. Эти подарки мне бесконечно дороги как живая память о Николае Константиновиче и Ю.Н.

Вся квартира Ю.Н., во всех своих мелочах напоминала о родителях. Большие и малые картины, висевшие в кабинете и столовой, портреты Николая Константиновича и Елены Ивановны, а также общая атмосфера квартиры, создаваемая хозяином.

Из бесед постепенно создавались детали семейной жизни, из которых, как из мозаики, складывалась общая картина жизни в Кулу.

Велико было гостеприимство Рерихов, но зачастую им злоупотребляли, и в таких случаях на долю Ю.Н. выпадала неблагодарная задача изгонять непрошенных гостей.

Как-то заехала в Кулу одна русская дама (эмигрантка) и живет неделю, другую, и не заметно, чтобы она намеревалась уехать. И вот, родители поручают Ю.Н. ее спровадить. "В одно прекрасное утро, - рассказал Ю.Н., - после завтрака я обратился к ней и сказал: "Госпожа ..., лошади поданы", и галантно проводил ее и посадил в экипаж". Все это рассказывалось с улыбкой, с тем тонким юмором, который был так свойственен Ю.Н. В другой раз бродячий "садху" зашел в их дом, уселся в столовой в позе лотоса, и решил, что это место для него очень удобное. Никакие уговоры на него не действо-

вали. Опять пришлось действовать Ю.Н. По его приказу слуги с полным почтением посадили "святого" на носилки и вынесли за пределы их имения.

Таких случаев, видимо, было немало. Однажды Ю.Н. пришлось убить ядовитую змею, которая заползла в ванную; еще рассказывал Ю.Н., как его сватали за какую-то русскую девушку (тоже из эмигрантской семьи) и ему пришлось чуть ли не спасаться бегством. Невольно я задал вопрос — почему же Ю.Н. так и не женился? "Мои родители, — ответил он, — представляли пример такой высокой гармонии, такого духовного единства, что я не мог надеяться найти жену такую же близкую духовно, как были Елена Ивановна и Николай Константинович."

Может быть, тут были и другие причины. Древний род Рерихов уже вырождался, и Учитель дал указание не продолжать его. Как-то Ю.Н. рассказывал о последних днях Николая Константиновича: "Отец был очень слаб, мы по очереди дежурили около него. Это было время, когда происходили кровопролитные столкновения между индуистами и мусульманами и в Кашмире была напряженная обстановка. Иногда в долине слышались выстрелы. Как-то ночью, когда я дежурил у отца, он заметил, что около меня ружье, и спросил, что происходит. Чтобы его не беспокоить, я сказал, что медведи приходят в сад и нужно быть готовым их отогнать. Окрестные жители очень уважали отца, и в это беспокойное время не было ни одного случая вторжения на наш участок".

"Как же ушел Николай Константинович?" — спросил я. "Он тихо перешел в иной мир во время сна," — ответил Ю.Н.

"Эта утрата была, конечно, очень тяжела для Вас, для всей семьи? — спросил я. "Да, — ответил он, — Елена Ивановна не хотела больше жить в Кулу, мы переехали в Калимпонг, где она провела последние годы своей жизни. Ее уход так тяжело поразил меня, что дол-

гое время я не мог оправиться."

Ю.Н. как старшему в семье полагалось зажигать погребальный костер, на котором, по восточному обычаю, были преданы огню тела отца и матери. Чувствовалось, что даже спустя несколько лет ему были тяжки эти воспоминания, и образы дорогой Матери и любимого Отца неизменно жили в его сердце. Конечно, такую мать, как Елена Ивановна, можно было вспоминать с благоговейным чувством... И невольно я тоже вспомнил, как она, указывая на меня взглядом, сказала Николаю Константиновичу: "Сынок".

Как бы высоко не поднимался человек, его сердце не может быть избавлено от страданий: духовные связи с близкими настолько глубоки, любовь — настолько возвышена, что утраты переживаются особенно болезненно и часто оставляют незаживающие раны на всю жизнь.

Для меня уход Николая Константиновича (о котором я узнал лишь в 1952 году) был также тяжелым событием, ибо всю жизнь я надеялся на обещанную встречу. И встреча с Ю.Н. как бы заменила мне ушедшего Отца...

х х х

Регулярные посещения дома Ю.Н. вносили гармонию в жизнь, радовали постоянно ласковым и сердечным общением, помогали по новому понять жизнь.

Проведя долгие годы за границей, в различных странах Европы и Азии, Ю.Н. мог сопоставить многие события и явления, и оценить все то новое, что вносил в жизнь планеты Советский Союз и страны социализма.

Мы привыкли видеть жизнь страны изнутри, замечать все ее мелкие недостатки. Десятилетнее заключение тяжело отразилось на

духовной жизни, слишком много было примеров страданий, насилия, полного подавления человеческой личности. И вернувшись, я еще долго испытывал враждебное и подозрительное отношение на работе, страх и недоверие со стороны близких друзей.

Общение с Ю.Н. было целительным бальзамом. Теплота и сердечность хозяина, такая близкая сердцу атмосфера его дома – все это душевно согревало и постепенно перестраивало мое миросозерцание; отрицание заменялось утверждением, более широко и правильно воспринималась жизнь страны; критика недостатков уступала место пониманию особенностей и достоинств нашей жизни по сравнению с Западом. Ю.Н. был действительным патриотом Советского Союза, и это чувство патриотизма он сумел передать многим.

Конечно, живя вдали от России, он не мог знать многих теневых сторон нашей жизни, в частности, того, что творилось в лагерях. Мне не хотелось огорчать его, и я никогда не рассказывал об эпизодах своей лагерной жизни, и о том, что вообще пришлось увидеть. Лишь два с лишним года спустя один из товарищей по работе в институте, доктор исторических наук (не помню его фамилии) рассказал о том, что с ним было в лагерях. "Я не спал всю ночь после его рассказа, – говорил мне Ю.Н., – неужели все это действительно могло быть?!"

Х Х Х

Влияние, духовное воздействие Ю.Н.на всех, кто с ним соприкасался, было необычайно. Он никогда ничего не проповедовал, ничего не рекомендовал, и лишь глубокое внутреннее воздействие его личности, его духовного примера исцеляло и преображало людей.

Мой друг, Виктор Тихонович, перестал курить и употреблять спиртное; аспиранты Ю.Н., в частности, А.Зелинский, также испыты-

вали его оздоровляющее и облагораживающее воздействие. Помню, не раз я встречал у него после Цейлона , с которым он вел длинные, глубокие беседы о буддизме. На гражданской панихиде выступил и сказал о Ю.Н.: "Он был мне больше, чем друг, больше, чем брат..."

Глубокие знания Ю.Н. в области буддизма и восточной философии были претворены в его жизни, и поэтому живой пример производил такое поразительное действие на всех, кто приобщался к его жизни.

Сестры Богдановы, в свое время взятые на услужение в семью Рерихов, которых Ю.Н. привез с собой из Индии, также относились к нему с благоговейной любовью, особенно старшая – Людмила, которая и внутренне была более близка к Ю.Н. Вся жизнь их семьи была проникнута гармонией и красотой.

IУ. Первые выступления-лекции Юрия Николаевича о
Н.К.Рерихе. Судьба картин.

Впервые Ю.Н. был приглашен проф. Федоровым-Давыдовым прочесть лекцию о Рерихе на кафедре искусствознания в Университете. Я поехал вместе с ним.

Первоначально предполагалось, что лекция будет прочитана лишь для сотрудников кафедры; но стали появляться студенты, както узнавшие об этой лекции, и пришлось выбрать вместо помещения кафедры более обширную аудиторию.

Мы остались одни, Федор^о Давыдов подошел к Ю.Н. и очень грубо, почти с угрозой сказал: "Смотрите, чтобы не было ничего лишнего, держите язык за зубами". Меня просто передернуло от его тона, но Ю.Н. спокойно ответил: "Не беспокойтесь, я не скажу ничего лишнего".

В большой аудитории собралось более 150 человек, преимущественно студентов. Они слушали Ю.Н., затаив дыхание.

После этого мне пришлось не однажды слушать лекции Ю.Н. об отце. Трудно, конечно, воспроизвести их содержание, они были разнообразными, в зависимости от аудитории. Но одна общая черта сохранялась: Ю.Н. говорил об отце как о постороннем человеке, никогда он не подчеркивал своей близости с ним, даже никогда не употреблял слово "отец". Это было проявление все той же великой скромности Ю.Н., который не стремился подчеркнуть свою близость с отцом.

В этой первой своей лекции Ю.Н. рассказывал об Н.К.Рерихе как о художнике. Остановился на раннем периоде его творчества в России, но больше внимания уделил индийскому периоду и особенно его мастерству в отображении Гималаев. Он рассказывал и о трансазиатской экспедиции, и о более поздних путешествиях по великой горной стране. Для русского зрителя зачастую было чуждо величие горной природы, и многие искусствоведы считали, что в творчестве Рериха индийского периода много искусственного, декоративного, нереального. Ю.Н. подчеркивал именно реализм, правдивость искусства Николая Константиновича в изображении гор, разнообразия их колорита и освещения. Ему, как постоянному спутнику во всех путешествиях, живому свидетелю создания этюдов и картин, была ясна связь междуатурой и ее отображением, глубокая правдивость этюдов и картин и умение Николая Константиновича увидеть главное, характерное и отобразить несравненное величие Гималаев.

Позже, когда я показывал Ю.Н. некоторые из своих работ, его любимым выражением (и похвалой) было: "Здесь есть правда".

В своих лекциях он именно утверждал эту правду искусства Рериха; но аудитория, и особенно молодежная, стремилась узнать многое из духовной жизни Николая Константиновича, о его связи с

Шамбалой и нередко задавала Ю.Н. подобные вопросы. Он никогда не касался этой стороны жизни и деятельности отца, не считая некоторых частных бесед. Его лекции всегда были выдержаными и лишенными какой-либо "мистической" окраски; и в этом отношении он наметил ту единственную правильную линию, которую в ~~дальнейшем~~ дальнейшем развивали П.Ф.Беликов и В.П.Князева, Е.И.Полякова и др.

Очень яркое впечатление оставил его выступление в обществе по туризму, в районе Заставы Ильича. Собралось много туристов, они с огромным интересом слушали рассказ о трансазиатской экспедиции Н.К.Периха, о многочисленных перевалах, которые преодолела экспедиция, о трудностях вынужденной зимовки.

Ю.Н. иногда цитировал отдельные абзацы из "Алтай-Гималаи" (книга тогда еще не была издана), но чаще он рассказывал обо всем своими словами — ярко и убедительно. Небольшой зал был переполнен, люди громоздились на подоконниках, стояли в дверях; в этой тесноте, в пестроте человеческих обликов было особое радостное оживление, было чувство соприкосновения с чем-то дорогим и заветным.

Постепенно интерес к Ю.Н. в широких слоях общества возрастал, он был принят в члены Дома ученых, познакомился с Л.Леоновым, Панферовым и др. писателями, преимущественно старшего поколения.

Всегда

Помню выступление Ю.Н. в Доме Ученых. Оно происходило в небольшом белом зале и продолжалось более часа. Количество народа было так велико, что Ю.Н. просили повторить лекцию. И он самоотверженно это сделал, несмотря на духоту и утомление.

На этой лекции присутствовали все мои друзья: В.Т.Черноволенко, А.П.Сардан, П.П.Фатеев. Несколько раз в Москву приезжали рижане, а также П.Ф.Беликов.

Естественно, что встал вопрос о дальнейшей судьбе картин Николая Константиновича.

Ю.Н. предполагал, что они будут приобретены музеями. Но наши музеи были слишком бедны, чтобы оплатить подобные богатства, а Министерство культуры видимо не намерено было тратить на это средства. Ю.Н. дали понять, что он должен пожертвовать картины Николая Константиновича государству, а взамен обещали ... автомашину и дачу. Оставалось только соглашаться на этот неравноценный обмен.

Ю.Н. оставил себе около 100 этюдов Николая Константиновича (по одному этюду он подарил Людмиле и Татьяне Митусовым и сестрам Богдановым) и небольшое количество картин: цикл "Монголия" ("Страна пустыни", "Костры в степи", "Юрты.Монголия", "Всадник" и др.), "Труды преподобного Сергия", "Гесэр-хан", "Тень Учителя", "Будда в подводном царстве", "Бум-Эрдени" и еще некоторые небольшие произведения, которые он особенно любил, например, "Земля славянская", "Христос на Генисаретском озере" и др. Они висели на стене около и напротив его рабочего стола.

Ю.Н. очень тяготился необходимостью пользоваться общественным транспортом. После тишины и уединения Гималаев шумная жизнь Москвы и соприкосновения с людьми требовали постоянного очищения, которое было возможно только в атмосфере его тихой квартиры. По-

этому он вскоре воспользовался машиной, которая была ему пода-
рена и служила до дня ухода.

В небольшой спальне находились самые дорогие, самые сокровен-
ные предметы. В ногах его ложа (он спал на походной, складной кро-
вати) стояло деревянное изваяние Будды (видимо I6-I7 век). Было
что-то невыразимо трогательное в его бронзовой улыбке, в чертах
лица, хранившего одну из тайн семьи. После ухода Ю.Н. я неоднократ-
но созерцал это изваяние и постоянно ощущал, что оно было тесными
нитями связано с духовным бытием Ю.Н., служило опорой и утешением.

В спальне были также древние иконы, изображения преп. Сергия,
портрет Кутузова (предка Елены Ивановны), портреты Николая Констан-
тиновича и Елены Ивановны.

Спальня была наиболее духовно-насыщенным, сокровенным местом
квартиры Ю.Н. Обычно сторонние посетители не допускались туда.
Мне пришлось всего 2-3 раза быть в спальне, и Ю.Н. показывал иконы
и рассказывал о них, а также о других предметах, хранившихся в
этом тайном покое.

Увы, после его ухода, после того, как в квартире начал хо-
зяйничать Васильчик, тишина этого уединенного покоя была наруше-
на; много посетителей (экскурсий), которые стали проводиться че-
рез несколько лет после его ухода, вторгались в маленькую, столь
дорогую сердцу комнатку, и ее духовная атмосфера постепенно унич-
тожалась.

С глубокой грустью посещал я эту квартиру в годы 1965-1973;
ее облик незаметно менялся, утрачивалась атмосфера, созданная
Ю.Н.; оставалась лишь экзотика восточных скульптур и мощная сила
воздействия картин Н.К., которая попрежнему излучалась и потряса-
ла зрителя...

О том, что было в этой квартире после ухода Ю.Н., можно долго рассказывать. Эта печальная тема еще впереди. Я один из немногих свидетелей всего, что происходило на квартире в годы жизни Ю.Н., после его ухода мне довелось постоянно посещать эту квартиру в период между 1960 и 1973 годами.

х х х

Наши беседы с Ю.Н. прекращались, когда у дверей появлялась Людмила и объявляла, что ужин подан.

В уютной столовой, небольшой, почти квадратной формы, висели работы Николая Константиновича из серии "Монголия": "Страж пустыни", "Всадник", "Юрты" и др.

Мы садились за круглый стол, изящно сервированный; подавались легкие, вкусно приготовленные блюда (конечно вегетарианские). Рая сидела за столом вместе с нами, Людмила часто вставала, чтобы привести блюдо или чай, и снова садилась.

Ужин, по установленному в семье обычай, проходил почти в полном молчании. Ю.Н. никогда не начинал кушать, пока не начали гости. Во время ужина он рассказывал что-то занимательное или смешное; его юмор всегда был беззлобен; в отношении со всеми домашними и гостями он неизменно проявлял заботу, внимание и желание помочь во всем, чем только мог.

Это почти молчаливое сидение за столом как-то незаметно сближало, объединяло духом внутреннего согласия; это была та общая трапеза, которая (без молитв и проповеди) глубоко воздействовала на приходящих и вспоминалась с чувством радости и благодарности.

Впервые чувство торжественности я испытал при встречах с Николаем Константиновичем и Еленой Ивановной. Это всегда было

чувство незримого присутствия Высшего, общения с У.; через них устанавливалась постоянная связь с Братством, мы чувствовали поддержку, присутствие, постоянное внимание.

И в квартире Ю.Н., в кабинете или столовой, сохранялось особое чувство торжественного общения, как бы слегка замаскированное простотой и легким юмором хозяина. Этот внутренний ритм наших встреч не всегда осознавался, но всегда присутствовал.

Как-то я заметил об этом Ю.Н. Он ответил: "Чувство торжественного очень важно, на пути постижения Учения оно является естественным и неизбежным".

Беседы. Далай-Лама и Теософическое общество.

Ю.Н. был большим знатоком жизни Индии и Тибета. В наших беседах я нередко расспрашивал его о жизни Индии и Тибета в последние годы.

Было известно, что Далай-Лама и Панчен Лама бежали из Тибета и нашли приют в Индии. Ю.Н. сообщил мне, что он был неофициальным политическим советником Панчен-Ламы. Повидимому, Ю.Н. довольно длительно общался с Далай-Ламой и знал много подробностей их жизни. Он рассказывал, что Далай-Лама – молодой человек, довольно легко-мысленного нрава, любил смотреть кинофильмы легкого или опереточного жанра. Серьезного общения и философских разговоров о буддизме с ним не было.

Наоборот, Панчен-Лама, тоже молодой по годам, был серьезным, углубленным в духовные проблемы, способным понять и оценить современное положение Азии. Он любил смотреть исторические фильмы, читал немало политической и философской литературы и много беседо-

вал с Ю.Н. об эволюции буддизма в наши дни.

Насколько я помню, о дзэн-буддизме, который стал таким модным течением за последнее время в Европе и Америке, Ю.Н. почти не рассказывал.

Однажды Ю.Н. спросил меня, как я отношусь к тантризму, и был удовлетворен, получив ответ об отрицательном отношении.

Немало было разговоров и о Теософическом обществе.

В начале 20-х годов Николай Константинович имел большое желание установить тесный контакт с наиболее выдающимися деятелями общества, — например, Анни Безант и др. Однако эти контакты наладить не удалось, и постепенно Николай Константинович разочаровывался в обществе и его деятелях. Ю.Н. бывал в Адъяре и рассказывал, что там соблюдали очень строгий внешний этикет, особые одежды и знаки, которые указывали на достигнутую степень посвящения, — но все это носило чисто внешний характер, так как было утеряно главное — прямая связь с У.

Повидимому, деятели Теософического общества так недоброжелательно относились к Николаю Константиновичу и Елене Ивановне именно потому, что у Елены Ивановны связь с У. была постоянной и книги Учения представляли естественное продолжение дела Блаватской, а Теософическое общество могло пользоваться лишь тем, что было получено через Блаватскую, не имея своего канала связи.

Посещение Адъяра Л.В.Шапошниковой в 19.. году, В.М.Сидоровым в 1981 году полностью подтвердило ту характеристику деятельности и духовной жизни общества, которая была дана Ю.Н. в 1958 году: оно утратило прямую связь с Братством и постепенно умирало.

О книге "Человек, как, откуда и куда", написанной А.Безант и Ледбитером, Ю.Н. заметил, что все, относящееся к прошлым воплощениям У., М. и других лиц, выдумано и не имеет ничего общего с дей-

ствительностью, так же, как и то, что написано о будущем планеты. Недаром в некоторых неопубликованных письмах Е.И. называет А.Безант и Р.Штейнера "свихнувшимися адептами", а про Ледбитера сказано У. "вреднейший".

Эти рассказы Ю.Н. о Теософическом обществе не очень удивили меня, т.к. еще давно, в период 1926-1930 г.г. нам было известно об истории с Кришнамурти, который воспитывался А.Безант и предназначался выполнить роль грядущего мессии, но от нее отказался и порвал с Теософическим обществом.

Еще Ю.Н. рассказывал о представительнице русского отделения Теософического общества Каменской: она появлялась где-то на съездах общества (кажется, в Швейцарии) в безвкусных русских костюмах (в том стиле, в котором когда-то одевали кормилиц), в сопровождении "Рынды" – молодого человека тоже в древнерусском костюме с оружием (топором) – все это было очень безвкусно и носило какой-то опереточный характер.

Следует отметить, что некоторая часть теософов, как русских, так и заграницей, приняла учение живой этики и положительно относилась к деятельности Н.К. и Е.И. Однако в целом теософическое движение постепенно вырождалось, в нем господствовало англо-европейское влияние с реакционными взглядами на Советский Союз.

х х х

Неоднократно Ю.Н. касался темы, которая меня очень волновала – о связи семьи Рерихов с Братством. Я не решался задать вопрос о том, когда и как произошла встреча Е.И. и Н.К. с У.М.

Однажды, показывая фотографию как бы незначительного содержания (это была часть полуразрушенной стены и небольшого храма или ступы), Людмила сказала мне: "Вот в этом месте Н.К. и Е.И. впервые встретили У.М. в Индии". Это была та предварительная встреча

(видимо в 1924 году), за которой последовали встречи в Сокровенной Обители.

Из переписки с Шибаевым становится ясным, что с 1921 года духовный контакт с У. приобрел постоянный, устойчивый характер, и все действия Николая Константиновича проходили под непосредственным Его руководством. По приезде в Индию, когда семья Рерихов поселилась в Дарджилинге в доме, где останавливался Далай-Лама (Тагай-Фо-Бранг), эти контакты приобрели не только духовный, но и физический характер.

Ю.Н. рассказывал, что они получали различные указы, предупреждения и краткие послания самыми неожиданными и необычными путями. То в окно влетало послание, написанное на бересте, то неожиданные вестники приносили указания, то где-то на столе лежало неизвестно как проникшее письмо (и это - не считая духовной связи через Елену Ивановну, которая неизменно продолжалась).

Этот период начала их жизни в Индии, в годы 1924-1925 был особенно насыщен различными контактами с Братством. К этому времени относится и первое посещение Сокровенной Обители, куда они проникли, повидимому, по тому же пути, что прошла Блаватская.

Рассказы Елены Ивановны и Николая Константиновича о хранилище Братства, которые мы слышали в 1926 г., описание облика Христа и Великих Учителей, описание ряда предметов, виденных в хранилище, - все это свидетельствовало о том, что Николай Константинович и Елена Ивановна были там до начала экспедиции на север, от Ладака до Урумчи, приведшей их в мае 1926 г. в Советский Союз.

Помощь Братства продолжалась и позже - в Советском Союзе и Монголии.

Ю.Н. рассказал мне об одном эпизоде, бывшем с ним в Монголии, в Улан-Баторе, вероятно незадолго до начала экспедиции. (Этот эпи-

зод описал В.А.Вераксо в его воспоминаниях "8 встреч с Учителем", но не совсем точно.) Они жили в небольшом деревянном одноэтажном доме, где Ю.Н. занимал отдельную комнату. Как-то днем, во время работы, Ю.Н. слышит голос: "Отойди от окна". Через короткое время еще сильнее и настойчивее: "Отойди скорее". Но он как-то медлил, может быть не совсем ясно понимая, откуда идет предупреждение. И вдруг какая-то мощная сила отбросила его от окна, и в то же мгновение раздался выстрел. Пуля пробила стекло, пролетела в том месте, где за несколько секунд до этого находился Ю.Н. и ушла в стену. Позже выяснилось, что стрелял какой-то казак из числа тех, что остались в Монголии с отрядами Унгерна, а почему стрелял - так и осталось неизвестным.

Много было случаев помощи, некоторые из них шли через советских людей.

В 1926 г., в Урумчи произошла знаменательная встреча Николая Константиновича с консулом СССР А.Е.Быстровым. Оказалось, что Быстров - сын того егеря Ефима Быстрова, с которым Николай Константинович еще в детстве ходил на охоту в Изваре. За время пребывания Николая Константиновича в Урумчи произошло их сближение. Идеи живой этики проникли в сознание молодого советского консула. Николаю Константиновичу было дано указание, чтобы Быстров задал три вопроса У. Я не помню содержание этих вопросов, но они были значительными. Один из них гласил: "Откуда У.М. меня знает?" Ему было отвeчено: "Во времена Акбара он был сотником в армии Акбара и достойно сражался". Ответы, полученные Быстровым его убедили. Ему было дано имя "Равинчар", и в письмах к нему Николай Константинович так и обращался: "Родной Равинчар". Эти письма давал мне читать Быстров, когда вернулся в 1928 г. в Москву. По указанию Николая Константиновича он нашел меня, и потом мы длительное время общались с ним

вместе с А.П. Сарданом.

Быстров оказал Николаю Константиновичу неоценимую помощь при въезде в СССР. Все это произошло по прямому указанию У., все подробности пребывания Николая Константиновича в Урумчи были рассказаны Быстровым.

И еще один знаменательный случай.

В 1928 г. я познакомился через А.В. Соколова с бывшим советским торговцем в Монголии Онищиком. Белорусс по происхождению (его брат — видный ученый), человек эрудированный и талантливый, он сблизился с Николаем Константиновичем в Улан-Баторе и приобщился к Учению Живой Этики. Когда экспедиция Николая Константиновича уже готовилась к отправке, в торговцестве была получена телеграмма с предписанием задержать экспедицию. На свой риск он дал возможность экспедиции выехать и сообщил, что телеграмма опоздала.

Мне пришлось с ним общаться в течение 2-3 лет; к сожалению, еще в бытность в Монголии, после какой-то операции, он пристрастился к морфию, и не мог избавиться от этой погибельной привычки. Человек умный, глубокий и добрый, он падал все ниже и ниже; жена с ребенком оставила его, и вскоре он умер в нищенском положении.

А.Е. Быстров пережил очень трудные годы в период 1929-1931 г.г. Был исключен из партии по обвинению в троцкизме, ушел работать на производство, и лишь постепенно снова занял достойное место в жизни. Он неизменно сохранил верность идеям Живой Этики, и в 1959 г. приходил к Ю.Н. и имел с ним долгую хорошую беседу, о чем мне с радостью рассказывал Ю.Н. Он передал Ю.Н. некоторые вещи, которые когда-то были ему доверены Николаем Константиновичем в Урумчи. К сожалению, в последние годы жизни Быстрова мы очень мало с ним встречались, отчасти из-за болезни жены, но наши отношения остались такими же дружескими и сердечными, какими они были в первые

годы знакомства. Последние наши встречи были во время юбилея Николая Константиновича в 1974 году.

Приведенные мною факты – это лишь немногие из тех случаев помощи и руководства, которые постоянно сопровождали деятельность Николая Константиновича. Все они свидетельствуют о реальности той помощи, которая оказывается Братством каждому благому начинанию. Но формы этой помощи необычайно разнообразны, иногда очень тонки и незаметны; лишь внимательный непредубежденный взгляд может увидеть эти тончайшие нити, протянутые от Братства ко всем, кто трудится для реализации идей Учения,

Летние поездки за город.

Ю.Н. обычно очень много трудился в своем кабинете и редко куда-либо ездил, кроме Института Востоковедения. После того, как он получил машину, поездки за город стали более легко осуществимы.

Одна из первых поездок, в которой участвовали мы с женой (Лидией Васильевной Дорошкевич), состоялась летом 1958 года. Мы проехали поездом до ст. Раздоры Белорусской железной дороги, и там совершили большую прогулку пешком в сторону Ромашково. Несмотря на довольно жаркую погоду, Ю.Н. был одет в своем обычном летнем костюме – светлом пиджаке с галстуком и таких же брюках.

Сохранились снимки, сделанные Лидией Васильевной, а частично мной во время поездки.

Мы расположились на высоком месте, в сосновом лесу, расстелили скатерть, покушали; этот импровизированный "обед на траве" прошел в веселой, шутливой беседе, в полной отрешенности от всяких дел и забот. Светлый и ясный облик Ю.Н. сохранился на снимках, сделанных на фоне леса. Это был первый период его пребывания на Родине, еще

не омраченный трудностями, утомлением и заботами последующих лет. Потом мы вдвоем еще долго прогуливались по лесу, вспоминая Ленинград и юношеские годы. Он рассказывал о годах учения в гимназии Мая, о веселых вечерах, которые устраивали там, о его пристрастии к истории и военному делу. Я вспоминал о Тенишевском Училище, где учился только один год — 1916–17, об одноклассниках, о первой зарутене, которую довелось встретить в церкви Павловского полка, где служил до 1907 г. отец.

Оказалось, что командир полка (не помню его фамилию) бывал в гостях у Рерихов, был другом семьи.

Хотя нам и не довелось встретиться и познакомиться в те далекие дореволюционные годы, но мы жили в одной и той же среде русской интеллигенции, и естественно, что и в воспоминаниях об этом времени было много общего.

Вспоминали также летние месяцы, проведенные на Балтике или в районе Валдая и озера Пирос, где они жили в период 1910–1915 г.г. Тишина и уединение, чудесный шелест соснового леса — все располагало к тихой, душевной беседе. Ближе к вечеру возвращались мы на станцию, усталые, но довольные. Это была единственная лесная прогулка, которую удалось вместе совершить.

Второй раз Ю.Н. ездил вместе с сестрами Богдановыми и Лидией Васильевной в гости к П.П.Фатееву в дер.Глазынино, около станции Одинцово. Я работал в этот день и не смог поехать. Поездку совершили на машине; Петр Петрович повел гостей в лес, показывал им свои любимые места и порядком утомил их. Нужно сказать, что и в этот раз, по словам Лидии Васильевны, беседа П.П. с Ю.Н. не носила особенно дружественного характера. Мне кажется, что во время этих встреч П.П. очень настойчиво поднимал вопрос о материальной помощи, а Ю.Н. считал, что важнейшей является помощь в духе.

Творчество П.П. тоже оказалось чуждым Ю.Н., хотя он и не высказывал отрицательных суждений. Цикл "Заратустр" он считал отражением бытия в низших слоях тонкого мира, и отнюдь не связывал его с Ницше. Позже Ю.Н. рассказывал о поездках вместе с Зелинским; он гостил у них в Моженке, а также ездил с А.Зелинским в Переславль-Залесский. Об этих поездках мог бы, конечно, вспомнить Андрей Николаевич.

Искусство в жизни Ю.Н. Встреча с Мухиным.

В первый год своего пребывания на Родине Ю.Н. не раз ходил в театр и в консерваторию. Я в то время был сильно занят диссертационной работой и редко имел возможность сопровождать его.

Однажды мы были вместе в Художественном театре на "Анне Карениной". Оба мы остались недовольны этим спектаклем. Ю.Н. отметил совсем неверное изображение стиля той эпохи, что особенно было заметно в образе Бронского. Многие детали светской жизни того времени, знакомые ему еще с детства, были грубо искажены; образ Анны, страстной, почти истеричной женщины (созданный А.Тарасовой), совершенно не соответствовал нашим представлениям о сдержанном, тактичном поведении дамы высшего света.

Чувствовалось, что Художественный театр утратил представление о той жизни, которая звучала в произведении Л.Толстого. Конечно, этого не могло бы случиться при жизни Станиславского и Немировича-Данченко, которые были хорошо знакомы со светским обществом конца 19-го века.

К сожалению, я не помню, какие еще спектакли пришлось видеть Ю.Н.; бывал ли он когда-либо в Большом театре и других театрах, сейчас уже трудно установить, разве что об этом помнит Раев.

В последний год жизни Ю.Н. был так сильно занят по работе,

столько было посещений, что о театрах не приходилось и думать.

Еще довелось мне быть вместе с Ю.Н. и сестрами Богдановыми в Большом зале консерватории на концерте из произведений Скрябина. Исполняли фортепианный концерт № I, и кажется, 3-ю симфонию и "Поэму экстаза". Не помню, кто именно дирижировал, но исполнение нам обоим не очень понравилось. После этого не раз были беседы о музыке. Ю.Н. приходилось слышать дирижеров Зилотти и Кусевицкого, и Рахманинова, и многих иных блестящих дирижеров той эпохи.

Конечно, его требования были достаточно высокими. Так же, как Николай Константинович, он любил произведения Вагнера, Римского-Корсакова, Скрябина и ряда других композиторов.

Видимо, еще с юных лет, когда они жили в Петербурге, возникла любовь к музыке, воспитанная в семье, и позже, во время пребывания в Лондоне, в Париже и в США, были широкие возможности приобщиться к музыкальной культуре Запада.

Во время жизни в Индии семья вечерами собиралась, чтобы послушать музыку в записях. Об этом вспоминает Шибаев: "Семья Рерихов проводила каждый вечер, после ужина, в тишине, слушая музыку и беседуя. Елена Ивановна ^{или} Николай Константинович выбирали "программу", а я заводил и ставил пластинки, примерно три-четыре в вечер (в доме Рериха не было электричества). Репертуар был не особенно большой, но отличный и разнообразный, и часы, проведенные здесь в течение этих десяти лет в тишине и полумраке слабо освещенной комнаты были и для меня какими-то возвышающими и нарастающе-сказочными, часы, когда я никогда не уставал или скучал, но когда что-то созидалось и творилось внутри сознания, часы, которые трепетно ожидал каждый вечер. Может быть, чаще всего играли: тетralогию Вагнера "Кольцо Нibelунга", "Мейстерзингеры", "Лоэнгрин", "Тангейзер" и "Парсифаль".

Не менее часто играли: Скрябина - "Поэму экстаза", "Прометей", Стравинского - "Весну священную" и "Петрушку", Римского-Корсакова - "Шеherезаду", "Садко", "Золотой петушок", Прокофьева - "Любовь к трем апельсинам", Грига - "Пер-Гюнт", Равеля - "Болеро", Дебюсси - "Последополуденный отдых фавна", Цезаря Франка - "Симфония", Сибелиуса - "Финляндия", Шуберта - "Неоконченная симфония", Мусоргского - "Борис Годунов", "Ночь на лысой горе", из Баха помнится лишь Бранденбургский концерт, Бехтовена - симфонии."

З.Г.Фосдик дополняет и уточняет приведенные Шибаевым музыкальные произведения. "Оба они очень любили Скрябина - "Поэму экстаза" и "Поэму огня", Римского-Корсакова - "Снегурочку", "Сказание о граде Китеже" и "Садко", Стравинского "Весну священную", Мусоргского "Борис Годунов", Вагнера - "Тристан и Изольду", "Лоэнгрин" и "Парсифаль" - особенно последнюю оперу. Все эти пластинки путешествовали вместе с ними и вечерами на стоянках экспедиции неслись звуки любимой ими музыки".

Неоднократно приходилось беседовать с Ю.Н. о живописи. Он был тонким эрудированным знатоком искусства Востока, известна его работа "О зверином стиле"; в области современного искусства он, как мне кажется, наиболее высоко ценил творчество Николая Константиновича. Официальное советское искусство его не привлекало - ни Бродский, ни А.Герасимов, ни Лактионов и другие художники этого стиля не пользовались его симпатией. Он любил Врубеля, Нестерова, вмненьшой степени - Петрова-Водкина, Юона и других современников Николая Константиновича. Творчество художников нашей группы ("Амаравелла") ему не было особенно близким. Произведения П.П.Фатеева, видимо, не привлекали своим экспрессионизмом и проявлениями низших форм тонкого мира; работы В.Т.Черноволенко он хвалил (это был период, когда у В.Т. произошли сильные сдвиги и появились новые более светлые произведения).

Но возможно, что эти похвалы имели целью помочь художнику в его работе, поощрить его. В беседах с П.Ф.Беликовым он отмечал, что творчество В.Т. медиумично, и это скорее было порицанием, а не похвалой. Слушая музыкальные импровизации В.Т., он также отмечал их медиумичность. Однажды он вспоминал, как в Лондоне, во время спиритического сеанса, звучал под руками невидимого пианиста рояль, и эта музыка напоминала импровизации В.Т. Эти спиритические сеансы в Лондоне имели основной целью связь с У.; о них упоминает Николай Константинович в письмах к Шибаеву: "Мы всегда сидим по средам в половине девятого вечера. Перенести кружок в другое время нельзя... Сидим в моей мастерской". Но возможно, что кроме сеансов, в которых участвовали лишь члены семьи, были и иные, с участием видных медиумов того времени.

Я регулярно показывал свои новые работы Ю.Н.; в то время показывать было еще почти нечего: небольшой цикл работ, связанный с Забайкальем, несколько работ из цикла "Новгород", валдайские этюды и этюды, сделанные в Карелии на Онежском озере во второй половине тридцатых годов, а также небольшие акварели, выполненные в заключении. Ю.Н. обычно хвалил мои работы и в отношении тех, которые ему особенно нравились, он говорил: "Здесь есть правда".

Помню, что ему очень понравились этюды, сделанные в Боровом летом 1959 года. Он хвалил их и находил, что характер природы Борового очень напоминает Монголию. Может быть он и хвалил их не столько за художественные достоинства, сколько за сходство с Монголией.

Вообще, я замечал, что в моем творчестве ему нравилось больше всего то, что было по стилю ближе к Николаю Константиновичу. Впрочем, работы, связанные с Боровым, были в то время действительно шагом вперед.

В 1959 году Ю.Н. начал хлопоты по организации выставки моих

работ в Доме ученых. Он написал текст обращения к директору Дома и собрал несколько подписей ученых-востоковедов. Это были Струве, И.С.Канцельсон и др.

У меня сохранился экземпляр этого обращения с подписью Ю.Н.

В то время Ю.Н. был уже популярной фигурой в научном мире, в Доме ученых его ценили, и согласие на выставку было дано.

Среди работ, сделанных в Тахтамыгде, Ю.Н. особенно нравилась одна, в оранжевых тонах. Я написал темперой картину на эту тему и подарил ее Ю.Н. Долгое время (до 1974 года) она висела над дверью в столовой.

Был еще один интересный эпизод, произошедший, кажется, в 1957 году. Ю.Н. пригласил пойти вместе с ним к Мухину, который в то время жил в отдельном доме в одном из переулков около Арбата. У Мухина была большая коллекция картин Николая Константиновича; часть из них (лучшую часть) он каким-то образом достал от Бориса Константиновича, после его смерти и трагической гибели его жены (она повесилась), произошедшей в 1949 году. По некоторым, впрочем недостоверным, сведениям, Мухин был виновником ее смерти и лицом, заинтересованным в получении картин Николая Константиновича.

О Мухине среди врачей-гомеопатов, его коллег, ходили очень недоброжелательные слухи. Его заработка был чрезвычайно велик (и он не платил налогов), он лечил высокопоставленных лиц, построил себе отдельный двухэтажный дом – все это наводило на разные размышления. Он переписывался с Ю.Н. еще в Индии, встретил его в Москве, и в дальнейшем играл роль друга и домашнего врача.

Было что-то темное и подчас жуткое в его личности; чувствовалось, что он обладал некоторым гипнотическим воздействием. Однажды, когда у Лидии Васильевны, в результате пореза, воспалились суставы пальца и воспаление грозило охватить всю руку, мы пригласили его на консультацию. Когда он вошел, даже не осмотрев руку, пристально

злым взглядом посмотрел на жену и сказал: "А знаете, Вам придется отнять руку". В его взгляде, в тоне голоса было сильное внушение. Но жена стойко выдержала взгляд и возразила: "Нет, это не должно случиться". Подобные приемы характеризовали его как человека злой воли, способного к темным внушениям. К сожалению, многие дальнейшие сведения о нем подтверждали эту характеристику, и несомненно, что он играл какую-то мрачную роль в жизни Ю.Н.

В его комнатах висели крупные работы Николая Константиновича – панно, предназначавшиеся для моленной виллы Лившиц в Италии, такие картины, как "Лесовики", "Ковер-самолет" и др., а также ряд более мелких работ русского периода.

Среди этих работ я внезапно узнал несколько своих этюдов: два этюда Новгородской Софии, два или три этюда Карелии и одну полуфантастическую работу с горами, выполненную темперой, очень близкую по духу к работам Николая Константиновича.

Обрадованный, я обратился к нему и сказал: "Оказывается, у Вас есть мои работы, когда Вы их приобрели?". Он посмотрел на меня очень зло и отчужденно. Я подошел ближе к работам и увидел, на каждой из них ... подпись Николая Константиновича. Кто сделал эту подделку? Как попали они в руки Мухина?

Эти этюды оставались в руках моего "друга" Юрия Швецова. По моей просьбе, в период, когда я жил на высылке в Макинске, он продавал их и передавал деньги моей первой жене.

Выяснилось, что вместе с неким комиссionером он подделывал подпись (на некоторых этюдах вообще не было моей подписи) и продавал их по очень высокой цене.

Несмотря на мои настояния, ни Швецов, ни Мухин так и не сообщили мне фамилию комиссionера.

Сколько моих работ разошлись под именем Рериха, я не знаю. Где

они в настоящее время? Многие владельцы частных собраний несомненно не хотели бы признать, что их работы не принадлежат кисти Рериха.

В Ленинграде вышла серия открыток "Акварели из частных собраний". Среди них оказалась и одна моя работа — этюд Карелии 1938 года заподпись Николая Константиновича с датой 1912 год.

В Киеве, в 1968 году на выставке картин Николая Константиновича, рядом с его небольшой картиной, висела моя работа на тему Хибиногорска, 1934 года, названная "Кавказский мотив". Она очень хорошо смотрелась рядом с картиной Николая Константиновича, и я даже не сразу узнал в ней свою работу.

Так волею судьбы, а точнее — в результате недобросовестной спекуляции именем Николая Константиновича — ряд моих этюдов — Валдая и Карелии — оказался в руках частных собирателей.

Кстати говоря, по поводу одной из моих работ, бывших у Мухина, — полуфантастический мотив с горами, написанный темперой — я спорил с Ю.Н. — он никак не хотел согласиться, что это не подлинная работа Николая Константиновича.

Видимо в тот период — 1927—1930-х годов — влияние Николая Константиновича было очень сильно; я путешествовал по местам, где когда-то он проходил, и естественно, что эта внутренняя близость скрывалась и внешним сходством.

Собрание картин было в дальнейшем передано Мухиным в музей его родного города

Находятся ли там мои этюды — не знаю.

Последний год жизни. Миссия Ю.Н.

Известность Ю.Н. все больше росла, и соответственно увеличивалось его общение с людьми, возрастало количество посетителей.

Через год после приезда, вскоре после знакомства с Митусовыми, я познакомил Ю.Н. с моим другом, членом "Амаравеллы", Виктором Тихоновичем Черноволенко.

Постепенно он входил в круг друзей Ю.Н. и охотно выполнял по просьбе Ю.Н. разные хозяйствственные поручения. Позже, после ухода Ю.Н., он сблизился с Раей и стал играть важную роль в доме, помогал ей не только в хозяйственных делах, но и в сношениях с Министерством культуры и разными официальными лицами, составлял необходимые бумаги и т.д.

Общение с Ю.Н. оказалось очень благотворное влияние на духовную жизнь Виктора Тихоновича: он перестал курить, в его творчестве зазвучали новые, более светлые ноты, и в последующие годы (уже после ухода Ю.Н.), когда он вышел на пенсию, его творчество расцветало все больше и больше. Несомненно, этот духовный перелом был связан с Ю.Н.

Несколько очень глубоких, значительных встреч с Ю.Н. было у Виктора Адамовича Вераксо, человека старшего поколения, который от теософии пришел к Живой Этике и переживал необычайный духовный подъем после встреч с Ю.Н. Он написал о них воспоминания - "Восемь встреч с Учителем".

Многократно встречался с Ю.Н. П.Ф.Беликов. Эти встречи, помимо деловых вопросов, затрагивали несомненно и многие духовные задания, связанные с будущим.

Думаю, что из всех, встречавшихся с Ю.Н., П.Ф. и Р.Я.Рудзитис были ему наиболее духовно близки и именно с ними обсуждались самые глубокие духовные проблемы и вопросы будущего.

Несомненно, что приезд Ю.Н. в СССР был связан с духовной миссией.

Какая же это была миссия?

Вспомним, как писал Николай Константинович о своей миссии в Америке: "Указание У. мне - ввести духовность в искусство Америки, основать школу искусств имени У., и общество *Союз Артфенз*". Эта же задача, но в более широком аспекте стояла и перед Ю.Н.

Первым этапом его деятельности было возвращение творчества Николая Константиновича родной стране. После первой выставки на Кузнецком мосту в 1959 году состоялась вторая - в Третьяковской галерее. Более обширная по охвату произведений, более разнообразная, она также ~~широко~~ сильно привлекла внимание широких кругов интеллигенции, как и первая. При жизни Ю.Н. была написана сотрудницей Русского музея В.П.Князевой первая небольшая монография о Николае Константиновиче.

Так постепенно и планомерно входило в жизнь страны искусство Николая Константиновича, встречая все более и более широкое признание. Как полноводная река начинает свой бег малым ручейком, так и известность творчества Николая Константиновича и широкое его воздействие распространялось по стране и находило все новых и новых поклонников. А с выходом в 1972 году книги В.Князевой и П.Ф. Беликова "Перих" из серии "Жизнь замечательных людей", положение Николая Константиновича, как художника, путешественника и мыслителя было окончательно упрочено.

Большое, важнейшее значение имели публикации В.М.Сидорова в "Огоньке", его статьи о Николае Константиновиче, стихи, которые постоянно издавались этим журналом. Валентин Митрофанович сумел найти достойные слова о поэзии Николая Константиновича, объяснить ее глубокое духовное значение в предисловии к книге стихов Николая Константиновича "Письмена". Еще большее значение имела книга В.М.Сидорова "На вершинах", - это подлинная духовная биография Николая Константиновича.

Немалую роль сыграли также два тома "Избранного" Николая Кон-

- 44 -

1974 и 1979

стантиновича, изданные в году.

Огромное значение имело празднование столетия со дня рождения Николая Константиновича в 1974 году. Благодаря этому юбилею были организованы две широкие выставки Николая Константиновича в Москве и Ленинграде, впервые показаны работы Николая Константиновича, принадлежащие Святославу Николаевичу.

Выставка с работами Николая Константиновича и Святослава Николаевича с 1974 по 1982 год обходит нашу страну и за это время побывала во всех крупнейших городах и заканчивает свой маршрут в Петрозаводске, в Карелии, откуда Николай Константинович начал свой путь по планете.

Так искусство Николая Константиновича на протяжении многих лет несет духовность народам СССР, и несомненно, что оно пробудило многих к новой жизни. Не меньшую роль сыграли и различные книги о жизни и творчестве Николая Константиновича, а также фильм "Перих", снятый Р.А.Григорьевой и Р.Сергиенко.

Однако задача внесения духовности в искусство на этом не может считаться законченной. Необходимо, чтобы художники всех видов искусства осознали значение духовности и вносили бы ее в жизнь – пусть сначала незаметно, но правдиво и убедительно.

К сожалению, в наших художественных школах духовное значение искусства еще совершенно не понято, нет (или почти нет) педагогов, которые сумели бы пробудить в молодежи понимание духовности; художественное воспитание построено на чисто формальных основах.

В развитии основ духовности в искусстве огромное значение могли бы иметь статьи Николая Константиновича – такие, как "Пламя", "Радость искусства" и многие иные. К сожалению, тираж его книг очень мал по масштабам нашей страны, и они еще не вполне дошли до широкого читателя.

Я ничего не сказал о судьбе тех картин Николая Константиновича, которые были подарены Ю.Н. государству. Они находились длительное время после выставки в Третьяковской галлерее.

Мне было известно, что Ю.Н. договаривался с директором Русского музея Пушкиным о том, что в музее будут созданы специальные залы с экспозицией картин Николая Константиновича. На этом основании Ю.Н. согласился предоставить Русскому музею часть переданных им картин. Но не менее важным Ю.Н. считал передачу работ Николая Константиновича в Новосибирск. Ведь отец завещал свои картины именно Сибири и Алтаю.

И как же глубоко был огорчен и оскорблен Ю.Н., когда узнал, что без его участия, явочным порядком, Пушкин забрал львиную долю картин Николая Константиновича, оставив Новосибирской картинной галерее значительно меньшую (и не лучшую) часть наследия Николая Константиновича!

Добавлю к этому, что после ухода Ю.Н. в Русском музее была создана постоянная экспозиция работ Николая Константиновича, но она неоднократно закрывалась на несколько лет, и нет гарантии, что в будущем она будет существовать.

Начав работу в институте Востоковедения, Ю.Н. несомненноставил себе и вторую задачу: внести духовность в науку, понять философию Востока не только интеллектуально, но сердцем; претворить в жизнь основы Живой Этики. Он объединил около себя группу молодых аспирантов, отдавал очень много времени для работы с ними, готовил к изданию Тибетско-англо-русский словарь; его мечтой было возрождение издания "библиотеки буддизма", прерванного в начале тридцатых годов. С этой целью был подготовлен новый том этой библиотеки - тексты "Дхаммапады". Сколько молчаливой энергии было затрачено на продвижение этого издания! Сколько препятствий внутри института пришлось преодолеть!

И когда книга была уже напечатана, наложили запрет на ее распространение. Ю.Н. вызывали в ЦК КПСС. Мы не знаем содержания этой беседы, и вероятно, никто его не узнает. Разрешение на продажу книги было дано. Но чувствовалось, что деятельности Ю.Н. в этой сфере был нанесен смертельный удар. Уже незадолго до приезда Святослава Николаевича, в беседе со мной он произнес слова, которые меня потрясли: "Я сделал все, что мог". Такие слова произносятся только перед смертью, когда человек подводит итоги своей жизни...

Итак, задача внесения духовности в науку оказалась несравненно более трудной; работа института в целом развивалась на прежних рутинных основах, и тонкая эрудиция в сфере буддизма и философии Востока в целом оставалась не более, как налетом учености, но не вносила никакой духовности в сердца тех, кто в этой сфере работал. Таково мое общее впечатление, но конечно, исключения свегда были и будут.

Не буду говорить о личностях, можно было бы назвать немало печальных примеров.

х х х

Огромная научная работа, которую проводил Ю.Н., а также постоянные встречи с людьми, которые добивались знакомства с ним, подрывали его здоровье.

Попрежнему он вставал в 6 часов, а ложиться приходилось зачастую очень поздно, так как бесцеремонные посетители засиживались нередко да часу ночи. В результате этого широкого общения истощалась его психическая энергия, и он мог оставаться незащищенным от болезней.

В эту трудную пору его жизни светлую радость внесла поездка в Улан-Удэ, на научную конференцию.

Уехав из Индии, Ю.Н. фактически лишился возможности жить на свежем воздухе, в условиях нетронутой природы. В Кулу и Калимпонге его утро начиналось с верховой езды. Он очень любил лошадей.

Воспитанник Сен-Сирской военной школы во Франции, он был прекрасным кавалеристом и командовал конвоем во время экспедиций Николая Константиновича в Центральной Азии.

Этот "воинский" аспект его личности совсем почти не был известен. Между тем, в степях Монголии или в горах Тибета, верхом на коне, во главе маленького отряда, он вспоминал свое далекое прошлое и чувствовал себя может быть лучше, чем в тиши кабинета за научной работой.

Он рассказывал мне о непередаваемом величии пустыни, о красоте восходов и закатов, о торжественности звездных ночей в полном одиночестве.

А в Москве он ни разу не пользовался отпуском и не находил почти свободного времени, чтобы поехать на дачу.

Дача была ему обещана, но его видимо не тянуло на подмосковные дачи.

Весной 1960 года мы ездили с ним на станцию Здравница по Белорусской (а может Киевской?) дороге. Там строился небольшой поселок научных работников, и он мог бы выбрать себе дачу. Но все это ему мало понравилось. Сырая, малопривлекательная природа, стандартное строительство бетонных коробок, канавы, наполненные водой... Дача так и не была выбрана. (Позже, уже после ухода Ю.Н. и Людмилы, Рая получила в этом месте дачу. Запоздалый дар, который она отнюдь не заслужила!).

Однажды Ю.Н. рассказывал мне, что видел во сне лошадей и ездил верхом. И в тот же день он встретился и познакомился на приеме в Индийском посольстве с Буденным, и у них был длинный разговор о ло-

шадях - оба были знатоки в этом вопросе.

В Улан-Удэ Ю.Н. впервые после двух лет поездил верхом. Он вернулся как-то посвежевший, радостный и увлеченно рассказывал о своей поездке. И показывал подарок, приведенный с конференции: это был небольшой ящичек, внутри которого находилась статуэтка Майтреи. "Они не забывают о великом будущем", - сказал он; кроме официальных выступлений, было немало бесед о чаяниях буддистов, о наступлении новой эпохи.

В эту поездку Ю.Н. (он летел самолетом, и мы втроем провожали его на аэродром) я особенно понял, с какой любовью и преданностью провожала его старшая из сестер Богдановых Людмила, как она беспокоилась о нем во время отсутствия и как радостно было для нее возвращение.

Эту глубокую, молчаливую преданность и любовь она пронесла через всю жизнь, прожитую в служении семье Рерихов. И с уходом Ю.Н. ее жизнь утратила внутренний смысл. Начала интенсивно развиваться болезнь (рак), которая до того времени была в приглушенном состоянии, и через год после ухода Ю.Н. ее не стало.

Приезд и выставка картин Святослава Николаевича.

Еще задолго до приезда Святослава Николаевича начались разговоры о нем. Я думал в его лице найти человека, близкого мне в сфере искусства, от которого можно будет узнать многое и о работе Николая Константиновича, так как его технику работы темперой никто в точности не знал и Ю.Н. описывал лишь очень приблизительно.

Но Ю.Н. сильно разочаровал меня: "Святослав совсем не похож на меня, - сказал он, - он привык вращаться в высших сферах, он аристократ, с ним не так просто общаться".

Чувствовалось, что Ю.Н. с большим нетерпением ждал брата, что он возлагал надежды на его приезд, а может быть предполагал, что он вернется на Родину и останется здесь.

"Подходит новый эшелон с подкреплением, - говорил он, - силы наши увеличиваются". Действительно, борьба последних месяцев, огромная напряженная работа, отсутствие отдыха - все это подрывало силы и здоровье Ю.Н., и он очень нуждался в подкреплении.

В последние дни перед приездом Святослава Николаевича все мы были в большом волнении: хотелось увидеть выставку его работ, познакомиться с ним, услышать новости из Индии; приехали из Ленинграда Митусовы, приехали некоторые рижане, из Новосибирска несколько позже прибыл Б.Н.Абрамов.

Работа помешала мне поехать встречать Святослава Николаевича. Я познакомился с ним и с Девикой-Рани несколькими днями позже у Ю.Н. Накануне открытия выставки в числе ряда журналистов мы встретились уже на выставке (позже о ней была помещена моя статья в "Московском News").

Открытие выставки картин Святослава Николаевича в музее им. Пушкина происходило в очень торжественной обстановке: собралось много народа в "итальянском дворике", выступала Министр культуры Е.Фурцева, с ответной речью выступил Святослав Николаевич.

Не буду описывать подробностей открытия и встречи на выставке. Могу лишь отметить, что Ю.Н. имел какой-то грустный, отчужденный вид, который так не вязался с общим праздником. Через несколько дней после открытия мы собрались на квартире Ю.Н. Были: Святослав Николаевич с женой, сестры Митусовы, я с Лидией Васильевной; за круглым столом в столовой мне удалось снять всех собравшихся. Хотя снимки были слишком слабыми, все же можно узнать всех присутствовав-

ших. И опять бросается в глаза тот же грустный, отчужденный вид Ю.Н. Создавалось такое впечатление (все это было осознано гораздо позднее), что он был как-то глубоко оскорблен или получил какое-то важное, печальное известие и не мог принять участие в общей радости.

Не помню содержания беседы, проходившей в этот вечер. Она была оживленной, повидимому, несерьезной, и в основном касалась выставки: были кажется и небольшие рассказы Святослава Николаевича об Индии в ответ на наши вопросы.

В последующие дни я не встречался с Ю.Н. Повидимому он был сильно занят по работе, у них часто бывали Митусовы; Святослав Николаевич ежедневно бывал на выставке, и кроме того, проводил беседы в специальной аудитории музея им. Пушкина (обычно в 17-18 часов). Конечно, на встречу с ним приходили многочисленные посетители. Он много рассказывал о жизни Индии, отвечал (но сдержанно) на разнообразные вопросы посетителей; в общем, как я в этом убедился, все это носило довольно популярный характер и не особенно меня интересовало. Мне он назначил свидание в кабинете директора музея, который был ему предоставлен. Но свидание это не удалось. Только я начал беседу, как появился какой-то непрошеный посетитель, и Святослав Николаевич вынужден был отвечать на банальные вопросы и слушать еще более банальные высказывания. Так беседа была сорвана.

Обстоятельства так складывались, что именно в эти, такие важные и ответственные дни, почти не удавалось общаться с Ю.Н.

20-го мая Ю.Н. был в гостях у Святослава Николаевича в гостинице "Украина". Ужинали вместе, он вернулся домой довольно поздно.

На следующий день 21-го он почувствовал себя плохо. По словам сестер Богдановых, это было связано с желудком. Дело в том, что Ю.Н. в Индии болел дизентерией и был очень чувствителен в отношении пищи, в частности, не переносил растительное масло. Может быть в

гостинице на ужине он съел что-то неподходящее (так предполагали сестры).

В этот день я забежал около 14 часов к Ю.Н.; Людмила предупредила, что Ю.Н. плохо себя чувствует и лежит (это было впервые за время его пребывания в Москве). Мне не хотелось беспокоить Ю.Н., и, пробыв у них недолго, я уехал домой.

И вдруг, в 18 часов — телефонный звонок. Соседка Ю.Н., которая у них часто бывала, сообщает, что Ю.Н. скончался. Это было настолько невероятно, что трудно было поверить.

Мы немедленно поехали к нему. Там уже собирались многие. Мы встретили жену индийского посла Менона (очаровательную, сердечную женщину), сестер Митусовых, Виктора Тихоновича и их соседку. Трудно передать нашу скррбь и вместе с тем растерянность от всего произошедшего. Некоторые не могли удержать слез, и мадам Менон нас трогательно утешала. Тело Юрия Николаевича увезли на вскрытие в институт Склифософского.

Из позднейших рассказов сестер удалось восстановить всю картину происходившего в этот день.

Когда Ю.Н. заболел, сестры вызвали Мухина, который считался домашним врачом. Но Мухин не торопился, он сидировался в баню и приехал лишь около 15 часов. Осмотрел Ю.Н., сказал, что нет оснований беспокоиться, оставил какие-то лекарства... и уехал на дачу. (И это врач, который считался специалистом по сердечным болезням!) Ю.Н. несколько раз пытался ~~кикких~~ искусственно вызвать рвоту, но это не удавалось (возможно, что было сильное давление со стороны желудка на сердце). Состояние Ю.Н. ухудшалось. Сестры вызвали скорую помощь. Те предлагали сделать уколы (вероятно, от сердца), но Ю.Н. отказался. Через некоторое время у него парализовало язык, он мог только писать. Сестры вторично вызвали скорую помощь; одновременно зво-

нили к Святославу Николаевичу и его нации в музее им. Пушкина. Приехала скорая помощь - около 17 час. 30 мин., но Ю.Н. уже скончался, пульса не было, и они уехали. Почти одновременно приехал Святослав (Николаевич. Его попытки реанимации Ю.Н. (искусственное дыхание и др.) были безрезультатны. Официальный диагноз после вскрытия: сердечная недостаточность.

Похороны.

Все, что происходило в эти дни, было как-то спешно, лихорадочно, как во сне. Сознание не могло никак смириться с мыслью, что его уже нет с нами, что он ушел в иной мир... Так многое осталось недосказанным, нерешенным, так многое еще нужно было сделать, узнать, закончить вместе с ним.

С похоронами тоже как-то торопились, они были на третий день. Успели приехать рижане, был П.Ф.Беликов, из Новосибирска приехал Б.Н.Абрамов.

. Очень запомнилась гражданская панихида. Это не были обычные официальные выступления, все, кто выступал, говорили сердечно, с истинной печалью. Прекрасные речи, полные глубокого духовного содержания произнесли индийский посол Менон и посол Цейлона (оба на английском), очень хорошо выступали аспиранты, даже заместитель директора института произнес речь, полную сердечности. Не помню и не могу назвать фамилии всех выступавших. Но несомненно, у всех общение с Ю.Н. оставило глубокий духовный след, и его уход вызвал подлинную скорбь.

Святослав Николаевич с Девикой-Рави присутствовали на панихиде. Оба они были очень сдержаны и молчаливы, и внешне ничем не выражали свои чувства.

В крематории собралось очень большое количество друзей Ю.Н., сослуживцев и всех, кто его хотя бы немного знал. С надгробной речью выступил Андрей Зелинский.

Ю.Н. лежал в гробу спокойный, умиротворенный, как будто спал. Святослав Николаевич и Девика-Рани, по-прежнему спокойные, торжественные, первые попрощались с ним. Все мы по очереди подходили прощаться, и многие не могли удержать слез. Лились торжественные, мощные звуки музыки, и было чувство, что он здесь, с нами, и вместе с тем нескованно высоко.

И когда гроб, усыпанный цветами, медленно погружался в подземелье, и дверцы люка закрылись, мы стояли, как зачарованные, в той нескованной радости, которую наверное испытывали апостолы во время вознесения Христа...